

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Основные проблемы эпоса восточных славян. Редакционная коллегия: В. В. Виноградов, К. Г. Гуслистый, Ф. И. Лавров, Е. М. Мелетинский, А. Н. Робинсон, М. Ф. Рыльский. | В. И. Чичеров. | Изд-во Академии наук СССР, М., 1958, 347 стр.

Рецензируемый сборник создан на основе материалов состоявшегося в 1955 г. в Киеве Всесоюзного совещания по вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян. Совещание было организовано и проведено Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР¹. Сборник состоит из переработанных в статье докладов и выступлений, заслушанных на совещании.

Сборник открывается вступительной статьей В. В. Виноградова «Героический эпос народа и его роль в истории культуры». Автор отмечает огромное историческое, идейное и эстетическое значение эпоса восточных славян — русских былин, украинских дум, исторических песен, — что определяет актуальность их изучения. В статье намечены некоторые из основных проблем в области эпоса, в науке еще слабо или не до конца разъясненных.

Основная часть сборника включает три раздела: I. Русские былины и исторические песни; II. Украинские думы и исторические песни; III. Вопросы историко-сравнительного изучения эпоса славянских народов. Каждый раздел начинается со статьи общего характера: первый — со статьи В. И. Чичерова «Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен», второй — с аналогичной статьи М. Ф. Рыльского «Итоги и задачи изучения украинских дум и исторических песен», третий — со статьи Н. И. Кравцова «Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов». Вслед за этими работами в каждом разделе идут статьи более частного характера, касающиеся главным образом исторических судеб и путей развития эпических жанров, а также их стиля и языка. Две статьи — А. Н. Робинсона («К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси») и В. Г. Хоменко («Героико-патристические идеи народного эпоса в исторической драме Старицкого и Карпенко-Карого») затрагивают частные проблемы в области взаимоотношения литературы и фольклора.

Хорошо продуманная композиция придает сборнику стройный вид, а затронутые авторами темы, отраженные в названиях статей, сразу привлекают внимание читателя. Однако при ближайшем знакомстве с содержанием обнаруживаются некоторые существенные недостатки сборника в целом и отдельных статей в частности.

В известной степени снизило ценность сборника запоздалое его издание. Некоторые из статей не представляют интереса новизны, так как мысли, в них высказанные, уже нашли отражение в печати, иногда в трудах тех же авторов. Так, очень интересная, теоретически острая статья Б. Н. Путилова «О некоторых проблемах изучения русских исторических песен», в которой указаны недостатки в этой области фольклористики и дана попытка вскрыть природу этого жанра, содержит положения, уже высказанные, и даже в более полном виде, в статье того же автора в I томе сборника «Русский фольклор. Материалы и исследования» (М.—Л., 1956). Повторением уже опубликованной работы явилась статья Т. М. Акимовой «Русские героические былины (схема исторического развития)» (см. «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, т. LVI, вып. филологический, 1957, стр. 275—303»). Частично и в некоторых других статьях имеются положения, уже высказанные в печати.

¹ См. обзоры работы Совещания, написанные В. К. Соколовой (журн. «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 125—131) и П. Д. Павлием (сб. «Историчний епос східних слов'яна», Київ, 1958, стр. 236—254).

Ввиду задержки с изданием сборника следовало пересмотреть состав и содержание книги в связи с выходом в свет ряда работ. Отдельными авторами и редакцией не проведена надлежащая переработка их выступлений на совещании в статье. Некоторые статьи имеют характер плохо выправленных стенограмм, не всем придан должный теоретический уклон, соответствующий общему направлению сборника.

Возглавляющая раздел I статья В. И. Чичерова — одна из лучших в сборнике. Вначале сжато, но содержательно и вдумчиво подводится итог изучению русского эпического творчества, отмечены основные достижения и главные ошибки на пути этого изучения. Нельзя однако не отметить известного преувеличения, обусловленного полемической заостренностью, в той части, где автор говорит о работах, посвященных индивидуальному творчеству сказителей. По словам автора, внимание к личному почину в фольклоре в конце 1930-х и в 1940-е годы «принимает совершенно гиперболические формы». Творческая индивидуальность сказителя «нередко заслоняла собою своеобразие коллективного творчества народа и вполне уподоблялась писательской» (стр. 23). На самом же деле почти во всех крупных работах о сказителях личный почин всегда изучался на фоне традиционного, т. е. коллективного, творчества. Иначе и не мог быть выделен личный почин. Обращение к исследованию выдающихся мастеров народного творчества — одно из достижений советской фольклористики, и это обращение никак нельзя связывать с взглядами «эпигонов исторической школы» (там же).

Перейдя к задачам изучения русских былин и исторических песен, В. И. Чичеров большое внимание уделяет истории эпических жанров. В этом разделе имеется ряд ценных мыслей и критических замечаний, которые могут помочь в дальнейшей разработке научной методики исторического изучения эпоса. Особо выделена проблема формы и поэтического языка русских былин и исторических песен и проведена правильная мысль, что без освещения этой проблемы невозможна и сама история эпических жанров.

Следующие за статьей Чичерова работы Н. Н. Велецкой («Русские былины в XVII—XIX вв.»), Т. М. Акимовой («Русские героические былины, схема исторического развития») и Э. В. Померанцевой («Русские былины в конце XIX и в XX в.») рассматривают развитие эпоса и его судьбы на различных этапах истории народа. Статья Н. Н. Велецкой по затронутой автором теме могла бы быть интересной и значительной, если бы носила более проблемный характер. Автор вначале ставит очень важный вопрос — о связи судеб героического эпоса с процессом формирования русской нации, — справедливо указывая, что в многочисленных работах о былинном эпосе этот вопрос до сих пор не затрагивался. Однако, отметив это, автор не раскрывает, в каком же направлении, в связи с какими явлениями процесса формирования русской нации надо вести исследование, а излагает уже установленные в литературе факты — о роли скomorшества в развитии народного творчества, о возрастании в позднейшее время сказительства в среде трудового крестьянства и городского люда, о характерных отличиях южных казацких былин от северных и т. д. Ни одна проблема развития былин по существу автором не выделена, хотя постановка некоторых из них в связи с темой статьи направляется сама собою. Так, Н. Н. Велецкая совсем бегло коснулась характерного для XVII в. явления в древнерусской литературе — обработки былинных сюжетов в повестях-сказках, известных по рукописной литературе. Эта тема до сих пор была совершенно не разработана, и потому очень важно было отметить, что же встает перед исследователем на пути их изучения (их соотношение с былинной, с общим направлением литературы XVII в. и т. д.). Заметим также, что поспешный вывод о снижении былинной традиции в лубочных листах начала XIX в. по сравнению с XVIII в. основан на ошибочном сопоставлении автором двух совершенно разнородных явлений: пересказа былины, специально, по-видимому, сделанного для лубка и получившего характер краткой повести о приключениях Ильи Муромца («История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце»), и лубочного издания повести писателя XVIII в. В. А. Левшина о Добрыне из его «Русских сказок». Одновременно с произведениями второго рода, которые, конечно, далеки от былин, лубок и в начале XIX в. продолжал распространять пересказы былин, сохранившие более живые связи с былинной традицией. Имеются и некоторые другие ошибочные суждения. Автор напрасно оспаривает В. И. Малышева, ставившего будто бы «Повесть о Сухане» по поэтическим достоинствам выше былины, влияние которых она испытала. В. И. Малышев нигде такого оценочного сопоставления не делал. Ошибочно также Н. Н. Велецкая предполагает, будто бы, говоря о значении творческих контаминаций, в которых проявилось ощущение сказителями внутреннего единства эпоса, я исхожу «из примеров эпоса народов Востока, недостаточно учитывая специфические особенности русского героического эпоса» (стр. 59). Исхожу я в данном случае не из примеров эпоса Востока, а из конкретных фактов в области русского эпоса. Что касается прогрессивности или регрессивности явления контаминации, то, мне думается, абстрактная постановка этого вопроса вообще неправомерна: надо исходить из разного качества возникающих контаминаций. Чтобы опровергнуть тезис о наличии творческих контаминаций в XVIII—XIX вв., следует доказать нехудожественность тех из них, которые подвергались подробному анализу именно как творческие. Статья Н. Н. Велецкой — один из примеров недоработки выступления при оформлении его в статью, и это очень жаль, потому что, повторяю, поставленная ею проблема представляет большой интерес.

Т. М. Акимова, набрасывающая схему истории развития былин, выступает с самостоятельной концепцией развития былинного эпоса. Ею выдвинут чрезвычайно инте-

ресный вопрос о том, когда, на каком этапе развития героического эпоса появились в нем острые социальные мотивы. По концепции Т. М. Акимовой, для начального периода характерна только тема героико-патриотическая. Но с середины XIX в. в эту тему «врывается тема социальной борьбы, которая иногда даже заслоняет и перебивает ее» (стр. 69). На каком же основании автор так представляет движение героического эпоса? Главным образом на основе материалов сборника XVIII в. — Кириши Данилова, сопоставляя его с записями второй половины XIX в. Но ведь один этот сборник не может быть надежной базой для суждения о характере общерусской былинной традиции до середины XVIII в. Он создан в определенном месте, отразил местную традицию, большинство былин записано от группы сказителей одной школы и, быть может, от одного сказителя². В конце концов у нас нет надежного материала для суждения о характере ранних былин, мы их не знаем. Если даже предположить, что социальные мотивы в былинах не были исконными, то мало вероятно, чтобы бурный XVII век, получивший такое яркое отражение в литературе, никак не сказался на былинном эпосе. Конечно, в середине и конце XIX в., в эпоху еще большего усиления классовых противоречий, некоторые из социальных мотивов заостряются, эпизоды, отразившие социальную борьбу, насыщаются новыми деталями, но это происходит в порядке развития уже возникшей ранее традиции. Нельзя согласиться с Т. М. Акимовой и в том, что в начале XX в. и в советскую эпоху в былинном эпосе происходит спад мотивов социального протеста. Напротив, записи этого времени говорят о том, что социальные мотивы по-прежнему живы, ярки, а сказители советского времени, с их особым вниманием к социальному содержанию фольклора, склонны еще усиливать и заострять социальную проблематику. Факты противоречат и тому, что «былинные тексты 60-х годов были и расцветом и одновременно лебединою песнью героического эпоса» (стр. 81). Достаточно взять все собрания 1900-х гг., а также записи советского времени, чтобы убедиться в обратном.

В статье Э. В. Померанцевой, также рассматривающей судьбу былинного эпоса, высказано много правильного, справедливого: об устойчивости форм былинного эпоса, что не дает возможности адекватного отражения в былинах новых жизненных явлений и нового сознания; о том, что внешняя модернизация лексики и образов не является показателем существенных изменений, и что записи и наблюдения позднейшего времени действительно свидетельствуют о постепенном угасании былинного эпоса: в конце XIX и в начале XX в. Вместе с тем, неправильно, во-первых, преувеличивать интенсивность этого процесса и, во-вторых, оспаривать положение о творческих процессах в эпосе уже после того, как он сформировался и прекратилась его продуктивная жизнь, т. е. возникновение новых сюжетов, связанных с исторической действительностью. Эпос еще в середине XIX — начале XX в. жил полной жизнью, и не только в том смысле, что еще были великолепные мастера-сказители, которые помнили былины, но в ряде мест наблюдалось и вполне живое творческое бытование эпоса: возникали многообразные новые композиции, былинам учились, они имели аудиторию. И даже в 1920-е — 1930-е годы, когда круг лиц, культивировавших былинку, значительно сузился, еще не приходилось говорить о прекращении жизни эпоса. Сказатели А. В. Маркова не оказались, как предполагал собиратель, последними хранителями русского национального эпоса, тем более не оказались ими сказители П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Вопреки всем прогнозам, былины дожили в устной традиции до 50-х гг. нашего века. Поэтому, рассматривая вопрос о позднейшем этапе жизни эпоса, следует говорить не столько о его угасании (поскольку оно очевидно), сколько о том, что поддерживало жизнь былин в течение веков, почему этот очень древний жанр так долго удерживался в живой устной традиции. С этой стороны мне представляется правильным основное направление статей о былинах в академическом издании «Русское народное поэтическое творчество»³.

Непонятно, почему заключение о судьбе традиции Рябинных названо автором статьи «безотрадным выводом» «для теории творческого развития эпоса» (стр. 87). Ведь Рябинины, начиная со второго, Ивана Трофимовича, принадлежат к типу сказителей-«передатчиков», не вносящих ничего своего в усвоенное наследие, а лишь бережно его хранящих. Рядом же с наследниками Трофима Рябинина мы видим Н. С. Богданову, М. Г. Антонову, Г. А. Якушова, А. М. Пашкову и ряд других, существенно трансформировавших былины, но оставшихся одновременно в пределах определенной традиции. Наконец, само воспроизведение былин, хотя бы и не в первоформленном виде, — есть определенный творческий акт.

Историческая песня, как один из самых значительных жанров народного творчества, в последнее время привлекала особенно пристальное внимание. Пересматривался вопрос о самой природе жанра, о соотношении его с действительностью, о его генезисе. Все эти вопросы, в частности, и составили содержание названных выше статей Б. Н. Путилова — в данном сборнике и в книге «Русский фольклор», т. I. Автор указывает на недостаточность традиционного определения исторической песни, рас-

² См.: П. Д. Ухов, Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова, сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956.

³ «Русское народное поэтическое творчество», М.—Л., т. I, 1953; т. II, кн. 1, 1955 и кн. 2, 1956.

крывает роль и значение в исторических песнях художественного вымысла и художественного обобщения некоторых существенных сторон действительности; призывает к конкретно-историческому изучению самого материала, намечает пути преодоления известных трудностей в изучении жанра, обусловленных отсутствием ранних песенных записей и неполнотой наших представлений о сюжетном составе песен до XVI в.

В связи с пересмотром проблемы исторического песенного жанра в целом естественно обращение к самой художественной структуре исторической песни, к особенностям ее поэтики. Эти вопросы нашли отражение в статьях В. К. Соколовой «Некоторые приемы характеристики образов в исторических песнях» и Э. С. Литвина «О некоторых художественных особенностях русской народной исторической песни». Обе статьи как бы дополняют одна другую, рассматривая разные стороны художественного метода исторической песни. В. К. Соколова исследует особенности построения образа; Э. С. Литвин — некоторые черты композиции, приемы типизации, роль и место художественного вымысла и его соотношение с отражением живой конкретной исторической действительности. Обе статьи содержат ряд наблюдений, которые до сих пор не нашли отражения в печати.

В статье П. Д. Ухова «Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа», как и во многих других работах этого автора, касающихся поэтики былин, имеется ряд новых тонких наблюдений. Правда, основное положение статьи, отраженное в ее названии, а также положение о художественном смысле так называемых «окаменелых», кажущихся алогичными эпитетах не новы (см. «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1, стр. 190—191), но разработка этих положений, постановка новых, вытекающих из них задач представляют весьма плодотворными. Так, очень существенна выдвинутая П. Д. Уховым задача изучения постоянных эпитетов при исследовании областных стилевых традиций; важно указание на необходимость раскрытия специфики эпитетов в различных жанрах (кое-что в этом отношении уже сделано А. П. Евгеньевой); ценны наблюдения над тем, как некоторые устойчивые сочетания слов с эпитетами порой теряют свое конкретное значение, а иные приобретают характер символа. На ряде примеров П. Д. Ухов доказывает важность изучения художественной функции постоянных эпитетов в связи с изучением авторского замысла. Он стремится также уточнить терминологию, справедливо указывает на неточность определения постоянного эпитета у Л. И. Тимофеева и заменяет его другим (см. стр. 161). Однако помещенные в этом разделе примеры не все удачны: приводится иногда не эпитет в его настоящем смысле, т. е. определение, несущее художественную функцию, а определение логическое (см. например: девушка поваренная; русская девица; девушка глупая, неразумная — при обращении; сенная девушка; кони татарские и т. п.).

Проблемны и представляют значительный интерес статьи А. Н. Робинсона «К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси» и И. А. Оссовецкого «Язык фольклора и диалект». Еще А. С. Орловым были установлены некоторые характерные особенности стиля древнерусских воинских повестей, наличие в них определенного фонда устойчивых поэтических средств. Но их истоки, происхождение остались невыясненными. А. Н. Робинсон и поставил перед собой задачу исследовать это. Ввиду общности темы воинских повестей и героического эпоса, одинаково принадлежащих средневековью, близости отраженных в них идейных представлений, а также некоторого сходства в самом характере творчества (своеобразное отношение к авторству, приверженность к поэтической традиции, свободное отношение к ранее созданному тексту), А. Н. Робинсон считал возможным и целесообразным произвести сопоставление наиболее типичных художественных средств изображения военных столкновений в воинских повестях и в былинах. В результате ему удалось убедительно показать общность самого типа стилей в обоих рассмотренных им видах словесного искусства, в двух близких друг другу художественных системах. Автор отмечает и некоторые общие черты этих систем, и специфические, традиционные только для каждой из них, и правомерно ставит вопрос об общих национальных источниках. Перед исследователями встает задача расширить круг сопоставлений, привлекая материал южнославянской древней литературы и эпоса.

И. А. Оссовецкий исследует соотношение языка фольклора и диалекта определенной местности. На ряде примеров автор показывает, что фольклор не только художественная форма данного диалекта — он богаче и шире разговорной речи. С одной стороны, в нем сохранилось и продолжает жить, как специфические выразительные средства, много такого, что уже вышло из употребления в бытовой речи. С другой стороны, в язык фольклора, вследствие особенностей исполнения, могут войти явления, не свойственные местному говору. Очень существенно указание на то, что, вследствие недостаточного знакомства с живой разговорной речью, некоторые черты ее, отраженные в фольклоре, могут быть ошибочно приняты за фольклорные явления со специальной эстетической нагрузкой (например, повторение предлогов). Поэтому при интерпретации того или иного факта языка фольклора с точки зрения его художественной функции необходим тщательный учет всего того, что свойственно языку как определенной лексико-грамматической системе. Содержательная статья И. А. Оссовецкого в известной степени проигрывает от недостаточно тщательного, четкого построения статьи, повторений и пр.

Статьи раздела II, рассматривающие вопросы изучения украинского эпоса, носят разнородный характер. Одни из них имеют по преимуществу историко-фольклорный и историографический интерес, излагая результаты исследований по отдельным или многим темам, другие, напротив, остро проблемны и полемичны. К первым относится прежде всего статья М. Ф. Рыльского «Итоги и задачи изучения украинских дум и исторических песен», открывающая раздел. Это содержательный при всей его краткости обобщающий очерк о думах и исторических песнях, об истории их изучения и использования в литературе. Автором устанавливается отличие дум от исторических песен; дается общее представление о каждом из этих жанров; отмечены некоторые характерные стилистические особенности дум; раскрывается их идейное содержание; даются сведения по истории собирания и публикации дум и исторических песен. Попутно автор называет некоторые вопросы, не получившие еще надлежащего освещения (о внутренней и формальной связи украинских дум и русских былин) или дискуссионные (о том, какого рода произведения следует относить к историческим песням), и в самом конце тоже бегло указывает задачи в области фольклора, стоящие перед украинской научной общественностью. Только один вопрос более выделен и заострен: о правомерности создания дум на советском материале. Думается, что автор прав, подходя к этому осторожно, отмечая, что хотя равенство старых традиций с идейно-художественными чертами, рожденными советской эпохой, создатели новых дум еще не нашли, но нельзя быть вполне уверенными, что они его и не найдут.

Ряд интересных фактов по истории кобзарства, из жизни и творчества отдельных выдающихся кобзарей сообщает Ф. И. Лавров в статье «Творцы и исполнители украинского героического эпоса». Во второй части статьи Ф. И. Лавров рассматривает соотношение коллективного и индивидуального начал в народном творчестве и, как мне представляется, правильно указывает, что «коллективный характер народного творчества не только не исключает личного творческого начала, а, наоборот, предполагает его» (стр. 229). Далее Ф. И. Лавров приводит данные о современных думах и путях развития кобзарства на Украине. Приведенные факты побуждают присоединиться к мнению автора о том, что кобзарство, хотя и угасает в его традиционных формах, однако полностью не отмирает: «оно принимает принципиально новые формы, включая в искусство трудящихся заводов и фабрик, колхозов и совхозов, учебных заведений и учреждений» (стр. 239).

Статья К. Г. Гуслистого «К вопросу об исторических условиях возникновения украинских дум» кратко сообщает об итогах исследований украинских ученых, прошедших к выводу, что возникновение дум «связано с двумя периодами этнического развития украинского народа: периодом формирования народности и периодом, когда он начал превращаться в нацию» (стр. 249).

Значению исследования стилевой системы героических эпосов разных славянских народов в различные исторические периоды посвящена статья М. М. Плисецкого «О стилях героического эпоса различных эпох». По наблюдениям автора, можно найти, с одной стороны, черты общности между стилем киевских былин и украинских и белорусских колядок, что обусловлено особенностями стиля раннефеодального периода, а с другой стороны, — общие черты украинских дум XVI—XVII вв. и русских исторических песен того же времени. Размеры статьи, очевидно, не дали возможности автору подкрепить свои положения вполне убедительным материалом. Но принципиальная установка исследования плодотворна; автор выдвигает требование рассматривать стиль фольклора не суммарно, а в историческом разрезе и на большом сравнительном материале.

Статья П. Н. Попова «К вопросу о путях развития эпоса восточных славян» принадлежит к числу самых интересных, теоретически острых, по-настоящему проблемных работ в сборнике. Пусть ее полемические положения не подкреплены анализом конкретного материала, как о том справедливо говорится в заметке «От редакции», логически эти положения хорошо аргументированы и заставляют еще и еще раз пересмотреть разные точки зрения на то, что же происходит в настоящее время с эпосом восточнославянских народов, живет он или умер, каковы были его судьбы в предшествующие эпохи, каковы пути его развития в настоящем и будущем. Статья будит мысль, то заставляя соглашаться с автором, то сомневаться и возражать, а следовательно — стремиться проверить, изучить. Перечислить все заслуживающие внимания положения автора нет возможности, это значило бы переписать всю статью, так насыщена она при всей ее краткости. Приходится поэтому ограничиться лишь общим указанием на ее характер и место, которое она занимает в сборнике.

Традициям былинного эпоса в украинских думах и исторических песнях и главным образом соотношению в эпосе художественного вымысла и отражения реальной действительности посвящена статья Г. Н. Сухобрус «Роль художественного вымысла в русском и украинском героическом эпосе». Вопрос этот в настоящее время стоит в центре всех наиболее значительных исследований по исторической песне. Он поставлен и освещен в упоминавшихся работах Б. Н. Путилова. На статье Г. Н. Сухобрус с наибольшей резкостью сказались недостатки редакторской работы над сборником, — она изобилует повторениями, не очень вразумительными формулировками и производит впечатление плохо выправленной стенограммы.

Статья В. Г. Хоменко (название см. выше) излагает результаты исследования автором одного из фактов взаимоотношения украинской литературы и фольклора.

Особый интерес представляет небольшая статья Н. М. Гордейчука «О музыкальных особенностях украинских дум и исторических песен». Это — единственная в сборнике статья фольклориста-музыковеда. Его наблюдения над некоторыми процессами в современном народном творчестве (поиски новых синтетических форм народной эпической поэзии; оригинальное соединение стилистических особенностей думы и песни как в тексте, так и в напеве; сильное воздействие мелодики революционной песни к массовых композиторских песен на новую историческую песню) очень важны для изучения народного творчества в целом. Жаль только, что эти интересные наблюдения почти не подкреплены фактическим материалом.

Содержателен в целом раздел III. В статье Н. И. Кравцова определяется отличие историко-сравнительного изучения как совокупности методических приемов сопоставления с целью определить пути исторического развития произведений устного творчества и выяснить общее и своеобразное в нем (стр. 299) — от сравнительно-исторического метода старой фольклористики, формалистического и космополитического. Автор подробно рассматривает, что именно можно установить при помощи историко-сравнительного изучения народного творчества вообще и славянских эпосов в частности. Статья — в том же русле, что и известный доклад В. М. Жирмунского на IV Международном съезде славистов⁴, она богата конкретным материалом и постановкой ряда проблем.

К. П. Кабаников поднимает совсем не разработанный вопрос о традициях героического эпоса восточных славян в белорусском народном творчестве. Он обращает внимание на непосредственные связи белорусского фольклора с русскими былинами (белорусские сказки и предания о былинных богатырях, идейная близость и черты былинной поэтики в героических богатырских сказках, например в сказке о богатыре Асилке и др.), на наличие исторических песен и преданий о борьбе народа с иноземными захватчиками (татарами, шведами, французами). Статья привлекает внимание исследователей к разработке всего этого материала.

О важности сравнительного изучения языка и стиля эпоса славянских народов говорит статья П. Г. Богатырева «Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян». Она перекликается со статьей Н. И. Кравцова; автор указывает на значение сравнительного изучения эпосов славянских народов не только для выявления черт сходства, но и для раскрытия художественной специфики каждого из славянских эпосов. Сравнительное изучение языка и стиля эпических произведений славянских народов, по словам П. Г. Богатырева, помогает в решении многих вопросов исследования эпоса, в частности — определения времени возникновения отдельных видов эпических произведений. П. Г. Богатырев смело намечает и ряд других задач в области сравнительного изучения славянских эпосов. Ряд положений автора нашел более углубленную разработку и аргументацию в докладе на IV Международном съезде славистов⁵.

Последняя статья сборника — И. М. Шептунова «Об эпической традиции в болгарском фольклоре» — ставит вопрос о значении сравнительного изучения судеб славянских эпосов для уяснения общих закономерностей развития народного эпоса. Автор прослеживает возникновение и развитие болгарских героических и исторических песен и приходит к выводу, что результаты исследования подтверждают правильность выдвигаемых советскими учеными положений о неодновременности возникновения исторических жанров фольклора, обусловленной изменениями народного сознания в разные исторические периоды.

* *
*

Рассмотрение статей сборника показывает, что при всех указанных выше авторских и редакторских недоработках, при всем том, что не все статьи полноценны, а некоторые не представляют интереса новизны, сборник в целом следует оценить как положительное явление в нашей фольклористической литературе. В нем поставлены и частично освещены по-новому действительно важные вопросы изучения эпического творчества восточных славян. Подведены и некоторые итоги изучения.

А. М. Астѹхова

⁴ В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, М., 1958.

⁵ П. Г. Богатырев, Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, М., 1958.